

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya.ludmila.ru/> приятного чтения!

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая

(сборник)

От автора

«Люся У. и Вова Л. были здесь» – написано на переплете нашей общей с Владимиром Любаровым книги. В этом заборном высказывании заключена правда: мы с Володей действительно прожили всю жизнь рядом. Родились в одном году, ходили в московские школы с гипсовым кудрявым вождем в вестибюле. Нас водили в Музей Революции и в Музей подарков Сталину. Мы ходили на каток, прикручивая к валенкам коньки с помощью оструганных палочек. Играли в лапту, проводили летние каникулы в пионерских лагерях. Поступив в институт, были отправляемы «на картошку». Испытывали тоску и отвращение на профсоюзных собраниях. Обзаводились друзьями-единомышленниками, многих из них провожали в эмиграцию, а сами уезжали отдыхать на север России – в Вологду и на Белое море, или на юг, в Крым.

Однако несмотря на то что наши жизни шли параллельным курсом, познакомились мы совсем недавно, и как-то само собой выяснилось, что мы занимаемся очень похожим делом, только материал, с которым мы работаем, разный. Но совпадений в видении окружающего мира и людей, его населяющих, оказалось очень много: герои моих рассказов, посвященных детству, жили своей отдельной жизнью на листах Владимира Любарова и просто требовали воссоединения.

Мы сложили наши детские воспоминания, и они сошлись замечательно: улица Каляевская, где жила в детские годы я, оказалась удивительно схожа с улицей Щипок, где жил он. Более того, не только дома и дворы, кошки и палисадники – схожими оказались и люди, обитающие в местах нашего детства.

Капустное чудо

Две маленькие девочки, обутые в городские ботики и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зеленому дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-темная очередь. Ждали машину с капустой.

Позднее ноябрьское утро уже наступило, но было сумрачно и хмуро, и в этой хмурости радовали только тяжелые, темно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника.

Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год. Младшей, Ольге, она сунула в руки мешок – для капусты.

– Возьмите, сколько унесете, – велела она им, – и морквы с килограмм.

Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело, и ноги еле ходили. К тому же за то время, что девочки жили у нее, она уже привыкла, что почти всю домашнюю работу они делают сами – легко и без принуждения.

К старухе Ипатьевой, по прозвищу Слониха, девочек привезли в конце сорок пятого года, вьюжным вечером, почти ночью. Они приходились внучками ее недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе: ближе родни у них не было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала – привезли, мол, на мою голову...

Девочки испуганно жались друг к дружке и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами.

Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почесывая головы. Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом.

В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезневку в баню. После бани Ипатьева

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала:

– Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали.

А девочки, словно почуяв, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней. Они обжились, привыкли к новому жилью и к Слонихе, только с городскими ребятами не сошлись: их игры были непонятны, интереснее было сидеть в комнате, возле швейной машинки, слушать ее неровный стук и подбирать лоскутки, падающие на пол: Ипатьева брала работу – если повезет, то из нового, но больше кому перелицевать, кому починить...

Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, куда же они ее поставят: бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусяного пальто, кроме десятки, лежала еще и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты.

Подтерев сестре нос, Дуся опустила замерзшие пальцы в карман и нащупала десятку скатанную трубочкой.

– Большая, а носа вытереть не можешь, – проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман. Ее замерзшие пальцы не расчувствовали десятирублевки и скатали поудобней в трубочку желтого японца. Измятая десятирублевка обиженно скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурыми промерзшими листьями.

Сестры встали в хвост недлинной очереди. Женщины говорили, что, может, капусту и не привезут, потому стояли только самые упорные. Все другие, простояв минут десять, уходили, обещая вернуться. Девочки тесно прижимались друг к дружке, топали озябшими ногами – ботинки были дареные, изношенные, тепла не держали.

– Надо было валенки надеть, – сказала Дуся.

– На валенках кошка спит, – отозвалась Ольга.

И они замолчали, наговорившись.

Минут через сорок пришел грузовик с капустой. Его долго разгружали, и девочки терпеливо ждали, пока начнут продавать. Им и в голову не приходило уйти без капусты.

Наконец сгрузили. Раскрылось зеленое окошко, продавщица начала отпускать. Очередь сразу разбухла. Прибежали все: и те, кто занимал, и те, кто не занимал. Девочки все оттеснялись и оттеснялись в хвост. Они давно продрогли. Временами шел не то дождь, не то снег. Платки их промокли, но пока еще грели. Только ноги вконец иззябли. Время уже перевалило за обеденное, и продавщица закрыла окошечко, когда девочки приблизились к нему вплотную. Стоявшая у прилавка тетка начала шуметь:

– Чего закрываешь, когда только открыли?

Но продавщица цыкнула на нее:

– Обед! – и ушла.

Прошел еще час. Свет стал убывать. Посыпал настоящий, слепленный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины людей и спины домов, и кучу бело-голубой, твердой даже на вид капусты. От белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее.

Вернулась продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернула ее – вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Ее охватил ужас.

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

– Тетенька! Я деньги потеряла! – закричала она. – По дороге потеряла! Я не нарочно!

Краснолицая продавщица, одетая, как капуста, во многие одежды, выглянула из своего окошка вниз, посмотрела на Дусю и сказала:

– Беги домой! Возьми у мамки денег, я тебе без очереди отпущу.

Но Дуська не отходила.

– Дырка у меня! Я не нарочно! – ревела она.

Маленькая Ольга, понимая, что на них свалилось горе, тоже ревела.

– Иди, поищи, может, на дороге найдешь, – посоветовала темнолицая женщина из очереди.

– Как же, найдешь, – фыркнул одноглазый старик.

– Не задерживайтесь, чего зря болтать! Эй, девочка, отойди в сторону! – сказал кто-то третий.

Две сгорбленные девочки, по-деревенски замотанные платками, пошли в сторону дома, разгребая ногами кучи перемешанных со снегом и сумраком листьев, нагибались и рыли побелевшими пальцами в хрустящих водоворотках. Старшая горестно, по-взрослому, причитала:

– Горе ты мое! Что теперя с нами будет! Прогонит она нас, и куда мы пойдём!

Ольга, опустив вниз углы своего треугольного рта, вторила сестре:

– Куда пойдём...

Стемнело. Укрывши плечи мешком, они медленно брели к дому. Умненькая Дуся все думала, что бы такое сказать Ипатьевой, чтобы она их не прибила или, хуже того, не прогнала... Украли? Или отняли? Или еще чего? Сказать «потеряла» казалось ей совсем невозможным.

Ольга всхлипывала. Они подошли к повороту, остановились, собираясь перейти дорогу: деревенская робость перед машинами все еще оставалась в Дусе. Навстречу им несся грузовик, освещая фарами бежавший перед ним раскосый кусок брусчатки. Девочки стояли. Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарем сверкнул бело-голубым сиянием ее груз – высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и поехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана. Они крикнули, стукнувшись о дорогу. Один распался надвое, второй покатился, слегка подпрыгивая, прямо к ногам Ольги.

Они посмотрели друг на дружку – два светло-голубых изумленных глаза смотрели в другие, точно такие же. Сняли с плеч мешок, которым укрывались, сунули в него цельный кочан и тот, что распался. Дуся не могла взвалить на плечи мешок – был слишком тяжел. Они взялись за углы мешка. Вострая Дуся подложила под него картонку и они поволокли его...

Ипатьевой дома не было. Она сидела у подружки Кротовой, плакала, утирая слезы кривым ситцевым лоскутом:

– Шура, подумай, ведь два раза к ларьку бегала... Пропали, пропали девчоночки мои... Цыгане свели или кто...

– Да найдутся, кому они нужны-то? Сама подумай! – утешала ее Кротова.

– Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые... Как же они без меня? А я-то, я-то как без них? – убивалась Ипатьева, комкая промокшую тряпочку.

А девочки в темноте выложили на стол капусту, сели, не раздеваясь, на стул и ждали...

Восковая уточка

Чаще всего – чуть не каждое воскресенье – старый Родион появлялся летом. Он шел всегда рядом с тележкой, которую везла большая костлявая лошадь. Остановившись посреди двора, он кричал громким голосом:

– Старье-берем!

Это «старье-берем» было вроде припева, потому что он еще длинно выпевал:

– Кости, тряпки, бумага, старая посуда, все берем!

Первыми его окружали ребята.

В задней части тележки горой лежало старье – мятая самоварная труба, остатки сапог, даже консервными банками старик не брезговал. А в передней части тележки всегда стоял фанерный чемодан.

Когда Родион раскрывал его, все замирали. Чемодан был полон драгоценностями. В тонкую картонку были вдеты легкие сережки с красными и зелеными камушками, маленькие колечки лежали навалом в банке из-под леденцов, воздушной кучкой вздымались чуть прозрачные раскрашенные восковые уточки, ослепительно сверкали большие стеклянные шары, в которых торжественно плавали рыбы и лебеди. Нашитые на бумажку пуговицы и разноцветные пряжи ниток волшебным образом переливались под майским солнцем.

Валька Боброва прижималась к телеге и не отходила до конца представления. Ей нечего было принести Родиону. Однажды, в прошлом году, она отнесла было Родиону материн платок, но Нинка, старшая сестра, увидела, отняла и вздула. Потом еще добавила и мать.

Вот Валька и стояла, жадно рассматривая сокровища, и прикидывала, чего бы она выбрала... На крупный товар, вроде шаров, она и не глядела – чтобы не тратить попусту желание. Она выбирала между колечком с зеленым камушком и одной уточкой. Уточка была немного попорченная, со вмятиной на крыле. И еще очень нравился наперсток – детский, маленький, он был единственным и лежал в коробке с иголками и пуговицами.

Торговля шла вяло. Пришла тетя Маруся, принесла луженую-перелуженую кастрюлю с дырявым дном. Просила пачку иголок. Родион дал одну – и она, ругая его за жадность на чем свет стоит, ушла в «крылатник», ту часть дома, где до войны жили одни Крыловы, а теперь пять семей.

Петька Разуваев принес старую шинель, но Родион не взял: отец тебе уши вырвет! Это была чистая правда.

Сашка Молокин принес три галоши, он подобрал их на майские праздники, после демонстрации, и хранил в ожидании Родиона. Он хотел шар с лебедями, но получил бумажный мячик на резинке, желто-розовый, и был доволен.

Потом подошел Шурка Турок, взрослый парень, что-то тихо сказал Родиону, тот кивнул. Шурка был дворовый вор, это все знали, но он был ловкий, никто его не словил.

Старуха Егорова принесла ватное одеяло. У нее в комнате случился пожар. Огонь загасили, но одеяло погорело. За остатки одеяла она просила у Родиона десяток больших черных пуговиц, но он жалел отдать их за горелое одеяло. Они долго торговались, и она ушла домой ни с чем.

Валька Боброва тарщила круглые глаза и все запоминала. Память у нее была невиданная: она помнила за всю свою жизнь, кто что Родиону снес и что за это

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskayaaludmila.ru получил.

Родион закрыл свой чемодан, зрители стали расходиться. Валька всегда уходила последней. На этот раз ничего выдающегося не произошло, двор обогатился одним бумажным мячиком, который Валька никогда бы не выбрала, да иголкой.

Родион не спеша обошел вокруг телеги и тронул лошадь. Большие зеленые ворота кто-то успел закрыть.

– Эй, ворота отвори! – крикнул Родион Вальке, и она стрелой понеслась открывать. Родион выехал на мощенную булыжником улицу, а Валька все стояла в воротах и думала про уточку с помятым крылом.

Тетя Матрена Клюева хлопала половиком о забор, поднимая облачка черной пыли. Из дома раздался пронзительный детский крик, и Матрена, бросив половик, кинулась в дом. У нее на плите кипел бак с бельем, и она испугалась, что маленький Сережа, которого она оставила одного на кухне, обварился.

Решимость и холод вдруг обрушились на Вальку. Она подобралась, как пружина, минуты не думая, схватила половик и понеслась вслед за Родионом. Он уже въехал в соседний двор и кричал там свое «старье-берем».

Валька ловко пробралась сквозь толпу соседских ребят и протянула Родиону половик.

– Ишь, вспомнила, – буркнул он, ковырнул половик пальцем и бросил в телегу.

Валька хотела попросить уточку, но язык не ворочался во рту. Родион не глядя сунул руку в фанерный чемодан, огромными пальцами вынул оттуда помятую уточку и опустил Вальке в руку. Она спрятала ее между ладонями и тихо пошла домой. От холода и решимости ничего не осталось, колотилось сердце и очень хотелось пить. Она шла и думала только об одном – куда ее спрятать...

Через два года Валька поступила в школу и у нее открылся талант: ее недокормленное тело оказалось на редкость гибким и ловким. Сначала тренер из Дома пионеров велел приходить на секцию гимнастики, потом ее перевели в спортивную школу. Она выступала в больших соревнованиях, ездила на сборы в другие города и скоро стала мастером спорта, а потом – на весь мир известной спортсменкой.

Всякий раз перед выступлением к ней приходило чувство холода и решимости, и она почему-то вспоминала о нежной восковой уточке с помятым крылом, которая давно растаяла под ее горячими пальцами.

Дед-шептун

Всех женщин своей большой семьи, от бабушки, которая приходилась ему невесткой, до правнучки Дины, прадед называл «доченьками». Всех мужчин – «сыночками», делая исключение для своего старшего сына Григория, которого всегда величал полным именем.

Последние годы он был почти совсем слеп, отличал только свет от тьмы: видел окно, горящую лампу. Читать он уже давно не мог, но правнучка Дина запомнила его почему-то с толстой тяжелой книгой на коленях.

Разговаривал он мало, но постоянно что-то шептал так тихо, что почти неслышно. Видно было, как двигаются седые усы над провалившимся ртом – за это звали его дети дедом-шептунем. Он был очень тихим, почти весь день сидел в большом кресле, иногда на табуретке на крошечном полукруглом балкончике. На улицу он не выходил.

Братья ходили в школу, все взрослые были на работе, а Дина, самая младшая в

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru семье, оставалась с прадедом. Время от времени они ложились на диван, укрывшись заштопанным сине-зеленым пледом, и прадед рассказывал девочке истории, вернее, одну бесконечную историю про людей с необыкновенными именами.

Была у них еще одна игра: Дина прятала палку темного дерева с рукоятью в виде собачьей головы с прижатыми ушами, а он ее на ощупь искал и не всегда находил. Правда, иногда он говорил:

– Доченька, вынь-ка палку из-под кровати, мне туда не залезть.

Когда брату Алику исполнилось десять лет, прадед подарил ему часы. Это был невиданно богатый по тем временам подарок. Часы были на тонком коричневом ремешке, формой напоминали кирпичик, у циферблата было торжественное выражение лица. Они были похожи на игрушечные и старались выглядеть посолиднее.

Ни у кого в классе часов не было. Ни у кого во дворе часов не было. А у Алика – были. Каждые пять минут он смотрел на часы и все удивлялся, какие же минуты разные: некоторые длинные, еле тянутся, а другие быстрые, проскакивают незаметно.

Вечерами Алик заводил часы и клал их рядом с кроватью на стул. Сколько Дина ни просила, он не давал их даже подержать.

Однажды утром, недели через две после того, как подарили часы, Алик ушел в школу, оставив часы на стуле возле кровати. По дороге он спохватился, но возвращаться было некогда.

После завтрака Дина обнаружила часы. Она осторожно взяла их – и надела. Прадед покачал головой. Он часто качал головой, словно о чем-то сокрушался.

Во дворе Дину окружили ребята.

– Это Алькины часы! – говорили они.

– Нет, мои! – врала Дина. – Наш прадед был часовщиком, пока не ослеп. У него таких часов – сто штук. Он и мне подарил.

Закатав рукава кофточки, она влезла на качели. Когда она качнулась, часы сверкнули на весь двор. Их видела и тетка, которая вешала белье, и кошка, которая грелась на солнце, и малыш, сидящий в куче песка. Сам дворник спросил у нее, который час. Дина смутилась: она еще не умела различать время по часам. Пришлось сделать вид, что спешит, и убежать на задний двор.

Там ребята играли в волейбол. Она попросилась, ее приняли неохотно. Играть толком она не умела. Дина подняла руки с растопыренными пальцами и стала ждать, когда мяч шлепнется о них. Она ждала долго, даже устала держать на весу бесполезно растопыренные пальцы. Наконец, долгожданный мяч, направленный чьей-то завистливой рукой, с силой ударился о запястье, и часы брызнули в разные стороны – отдельно механизм, отдельно стеклышко. С жалким звоном оно стукнулось о землю и подскочило, сверкнув на солнце. На руке остался только ремешок с блестящим доньшком.

...Был конец мая. Была первая жара, липы стояли в новой листве, как свежавыкрашенные, и даже пахли немного масляной краской. Казалось, что деревья остолбенели перед случившимся несчастьем. Один только безжалостный Колька Клюквин ехидно произнес:

– Ну, Алька тебе задаст! Хотя часики вроде твои, да?

Зажав в ладони то, что осталось от часов, Дина медленно поднялась на крыльцо, прошла сквозь облако солнца, лежащее на ступенях, в прохладную темноту, пахнущую сырой известкой и кошками. Долго-долго она поднималась на второй этаж. Она не плакала, но было так тяжело, как будто она несла на спине мешок картошки. Она долго колотила пяткой в дверь, пока не услышала, как шаркает, постукивая палкой, прадед. Он открыл. Дина уткнулась носом в тощий дедов живот, в парусиновые сборки мятых штанов.

– Ничего, ничего, доченька, – сказал он. – Не надо было их брать.

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

– Ничего! – взвыла Дина. – Хорошо тебе говорить!

И слезы наконец брызнули, как брызжут в цирке у клоунов, сильной струей. Она сунула в маленькую сухую руку прадеда стеклышко и механизм, отцепила ремешок с донышком, и оно было страшным, как крышка гроба, которую она видела однажды на лестнице.

– Ничего! Ничего! – рыдала Дина, уткнувшись в потертую ковровую подушку и заливаясь слезами. А когда все слезы, которые были, вылились, она крепко уснула.

Старичок с редкими белыми волосами, стоявшими вокруг маленькой головы, держал разбитые часы и беззвучно шевелил губами.

Когда Дина проснулась, прадед сидел за столом, а перед ним стояла фарфоровая коробочка с инструментами: пинцетами, щеточками, колесиками и круглым увеличительным стеклом в темной оправе, которое дети называли «глазком» и которым прадед давно уже не пользовался.

Дина подошла к нему на цыпочках и прижалась к острому плечу. Он засовывал ремешок в ушки целых часов.

– Деда, ты починил? – не веря своим глазам, спросила Дина.

– Ну вот, а ты плакала. Стеклышка нового у меня нет. Здесь трещинка маленькая, – и он провел твердым длинным ногтем по трещинке. – Видишь?

– Вижу, – шепотом ответила Дина. – А ты? Скажи, ты не слепой, да? Ты видишь?

Прадед повернулся к ней. Глаза его были добрыми и блеклыми. Он улыбнулся.

– Пожалуй, кое-что вижу. Но только самое главное, – ответил он и зашептал, как всегда, что-то неслышное.

Вот и вся история. Прошло очень много лет, и Дина мало что помнит из того времени. Но то, что помнит, делается с годами все ясней, и иногда ей кажется, что скоро она сможет различить, расслышать те слова, которые шептал ее прадед.

Гвозди

В то лето, когда родилась сестра Маша, Сережу решили отправить в деревню – не к дедушке, как отправляли других ребят, а к прадедушке. Прадед жил в далекой деревне, и добирались они с отцом сложным путем: сначала на поезде, потом на маленьком пароходе, потом долго шли пешком.

Только под вечер добрались они до деревни. По обе стороны неширокой улицы, заросшей низкой пушистой травой, стояли большие серые избы. Некоторые были заколочены. Посреди улицы медленно шли тонконогие кудлатые животные, про которых Сережа сказал: чудные собачки!

Отец засмеялся:

– Овец не узнал! А вон пастух!

И указал на мальчишку чуть постарше Сережи, босого и в теплой шапке. И это тоже было чудно.

Изда, в которой жил прадед, стояла на краю деревни. Когда они вошли, Сережа

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru замер – у него была книжка русских сказок, в которой все было точно так нарисовано: с русской печи свисал овчинный тулуп, который надевал сказочный Старик перед тем, как вести свою бедную дочь в лес к Морозко, и даже ухват стоял на том самом месте, что и на картинке. И запах был особенный, на всю жизнь запомнившийся: старой овчины, закваски, яблок, лошадиной сбруи и другого, незнакомого... запах, которого больше нет на свете...

Две старухи набросились на отца, целовали, плакали, спрашивали. До войны, подростком, он тоже у них гостил.

Поцеловали и Сережу. Одна старуха была ничего, вторая страшная и очень худая и совсем без зубов.

– Это, Серега, тетушки мои, Настасья и Анна, – сказал отец, – твоего дедушки сестры. Так что тебе они вроде бабушки...

«Есть у меня бабушка!» – подумал Сережа с тоской, сразу вспомнив свою красивую завитую бабушку, мамину мать, которая работала бухгалтером в театре и часто водила его на детские спектакли. Он скривился, но ничего не сказал.

Отец вытаскивал из рюкзака гостинцы – одна бабушка сильно радовалась, а вторая заплакала.

«Наверное, боится, что та все подарки заберет», – подумал Сережа и подергал тихонько отца, хотел сказать, чтоб отец сам разделил, а то худой не достанется. Сергей был человек справедливый и во дворе приучен к честной дележке. Но отец от него отмахнулся:

– Потом, потом... – и все вытаскивал свои свертки.

И тут вошел прадед. Он был большой и походил на некрасивого медведя. Старухи сразу притихли, а одна из них сказала:

– Батя, вот Виктор приехал, Ивана сын.

Они поцеловались.

– В нашу породу вышел, – глухим голосом сказал прадед, – парнишком-то мелким был.

Сереже показалось, что отец робеет.

Старухи засуетились, поставили на стол большой темный хлеб, ложки и зеленый таз, который называли «чашкой».

На Сергея никто внимания не обращал, но скучно ему не было. Он тихонько разглядывал множество незнакомых вещей. Удивительное дело: здесь и знакомые вещи имели какой-то другой, новый вид – ложки были деревянные, а подушки были одеты в красные и цветные наволочки, а не в белые, как дома.

Нестрашная старуха крошила в таз зеленый лук, огурцы и картошку, вторая откуда-то принесла решето с яйцами. Солома торчала из решета – как на картинке про Курочку Рябу...

Пришли трое ребят: две девочки постарше Сережи и мальчик, по виду ровесник или помоложе.

– Вот твоя компания будет, – сказал отец. – Это твои троюродные.

Их звали Маринка, Нинка и Митька.

Сережа удивился – он и не знал, что у него столько родни.

Сели за стол. Посреди стола стоял таз с каким-то коричневатым супом, но тарелок не было, только ложки и большой, раскатистый, как пирог, хлеб. Прадед перекрестился и зачерпнул ложкой из общей миски, а за ним и все по очереди.

– Ешь, – шепнул отец. – Это окрошка.

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

Все как-то ловко зачерпывали, ни у кого на стол не капало, даже у Митьки.

Прадед спрашивал отца про завод, про жизнь. Отец отвечал и на Сережу не глядел. А Сережа сидел, вертел кусок хлеба и удивлялся, как это они едят из одного тазика.

Вдруг страшная старуха, которую звали Анна, взяла белую глубокую тарелку, налила в нее из общей посуды немного и поставила перед Сережей:

– Ешь, милоч, ты по-городскому привык, – шепнула она ему беззубым ртом.

Девчонки хихикнули, мальчик фыркнул.

И вдруг Сережа почувствовал себя несчастным и одиноким. Он подумал, что здесь не останется и уедет завтра с отцом.

Перед ним стояла белая тарелка – все остальные ели из общей, и неожиданно Сереже это показалось очень обидным. А отец сидел, ел и ничего не замечал. Слезы подкатывали к горлу и готовы были вот-вот потечь.

– Что не ешь-то? Ай не нравится? – спросила старуха.

– Нравится, – прошептал Сережа.

Слезы сами собой потекли. Он понял, что хочет есть из зеленой миски, как все. Но было уже поздно.

Никто на него не смотрел. Он отодвинул белую тарелку и потянулся к общей миске. Суп был холодный, кислый, и в ложке плавал зеленый лук, которого Сережа не ел.

Потом поставили на стол большую яичницу и вареную картошку. Это была привычная еда, Сергей поел ее. Старуха Анна отвела его спать на другую половину, на большую высокую кровать с разноцветными подушками.

Он лег и подумал, что ни за что здесь не останется.

Наутро, когда он проснулся, оказалось, что отец уже уехал. Об этом сказала Анна, которую он все не мог назвать бабушкой. Она дала ему молока, кусок давешнего большого хлеба и велела идти гулять. Ребята уже ушли.

Сергей вышел из избы. Он обошел ее кругом, она оказалась очень большой, с пристройкой, и поодаль еще стоял сарай. Дверь была открыта, и он заглянул. Там никого не было. Стоял верстак, над ним висели разные инструменты: рубанки, молотки и еще много разных железных вещей, которым Сережа не знал названия. Под верстаком стоял ящик. В нем по гнездам были разложены гвозди разной величины. Сергей взял средний, длиной с мизинец, взял молоток и стал искать, куда бы его забить.

Он сел у порога, высыпал гвозди кучкой у ног и начал их забивать в порог. Он промахивался, бил по пальцам, гвозди гнулись. Потом дело пошло лучше...

И вдруг почувствовал, что он не один. Рядом с ним стоял прадед и смотрел на него. Сережа испугался. Ни слова не говоря, прадед взял из рук молоток, несколько гвоздей и ровно и легко всадил их рядом с Сережиными.

– Рукоять за конец держи, – глухим голосом сказал старик, – а гвоздь так ставь. Бей в один удар! – и Сережа понял, что он не особенно сердится.

Он взял молоток, как велел старик, и долго еще вбивал гвозди. Пока весь порог не забил. Потом встал и хотел было идти. Прадед строгал рубанком доску, но тут он отложил рубанок, дал Сергею тяжелую изогнутую железяку с раздвоенным заостренным концом и сказал:

– Вот гвоздодер возьми! Теперь вынь гвозди-то! Гвоздь на дело нужен. На что он

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
там?

Сереза взял гвоздодер двумя руками.. И снова дед встал на колени, отобрал у него гвоздодер и показал, как надо держать. Пальцы у деда были огромные, руки темные, ногти толстые и бурые, как старый картон.

«Такими пальцами можно и без клещей гвозди тащить», – подумал Сереза.

Он долго пытался подцепить гвоздь, тот не поддавался. С тоской смотрел он на блестящую дорожку шляпок, которые ему предстояло вытянуть. Он понимал, что попался в ловушку. Прадед подошел, легонько ударил молотком по обушку гвоздодера, и он плотно обнял шейку гвоздя.

– Нажимай! – сказал прадед, и Сергей двумя руками нажал на рукоять вниз.

Гвоздь, поколебавшись, дрогнул, и полез вверх, и просто-таки выпрыгнул легко и радостно, как будто сам только того и хотел.. и только под самый конец пришлось его чуть-чуть поддержать.. И явился на свет.

С другим так ловко не получилось – шляпка отлетела. Дед мельком взглянул и сказал своим глухим голосом:

– Гвоздь береги.

Сергей принялся за третий. Прадед дал коробок и велел складывать туда. Так он тягал и тягал, пока не позвали..

После обеда прадед куда-то ушел, а Сереза решил спрятаться. Он залез на чердак. Там было пыльно и таинственно, но не вытянутые из порога гвозди томили его, и он слез с чердака и пошел в сарай.

Потом опять пришел прадед, посмотрел на Серезину работу и ничего не сказал. Пальцы все были побиты и болели, уйти почему-то было невозможно.

«Вбивал пять минут, – сердился неизвестно на кого Сергей, – а вытаскивать сто часов».

До самой темноты он возился с гвоздодером и клещами, и наконец все гвозди, гнутые и битые, лежали в коробке. Он отдал коробок прадеду, тот поставил его на верстак и сказал:

– Пошли в избу..

Сергей был собой доволен, хотя прадед его не похвалил.

Наутро он встал рано. Босые девчонки и Митя шлепали по избе. Сергей застегивал сандалии и думал, как бы ему за ними увязаться, но тут в избу вошел прадед и сказал:

– Идем со мной, Сергей.

Сергей удивился, но пошел.

Прадед повел его в сарай. Там, на верстаке все еще стоял коробок со вчерашними гвоздями. Прадед взял кусок железа размером с книжку, но поуже, положил его на высокий чурбак, вынул двумя пальцами кривой гвоздь и начал по нему легонько постукивать молотком. Гвоздь выпрямился и засверкал свежим блеском.

– Вот так и будешь делать, – сказал прадед.

Сергей обомлел.

«Эта работа на всю жизнь», – подумал он. Взял молоток, слегка тукнул. Гвоздь повернулся на другой бок. Он крутился с боку на бок, как живой. Сергей промахнулся, ударил по пальцу..

Прадед хмыкнул.

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
– Легче держи!

И Сергей, сжав губы, чтоб не заплакать, все тюкал и тюкал... Долго не получалось, а потом вдруг сразу все сделалось как само собой – гвозди стали послушными.

Когда работа была закончена, он поставил коробок на верстак. Дед взял его и положил в ящик, под верстак, потом распрямылся и сказал:

– В курятнике две доски надо поменять. Пошли, поможешь мне...

В то лето Сергей так и не сдружился со своими троюродными. Он ходил за стариком и делал с ним всякую работу: столярную, по дому, на пасеке... Под самый конец лета деду привезли на телеге доски. Сгрузили возле сарая. Дед долго их оглядывал, кряхтел, качал головой. Потом позвал Сергея – в помощь. Сначала старик долго правил железок рубанка, потом разводил старую пилу, а когда инструменты приготовил, начал работу... Серезиной помощи не надо было, но прадед его не отпускал, все давал поручения... Перед самым Серезиным отъездом работа была закончена – это был большой длинный ящик с крышкой.

Троюродный брат Митька в последний день спросил:

– А на похороны приедешь?

– На какие похороны? – удивился Сереза.

– Так прадед помирать собрался, гроб-то на что он строил?

«Вот оно что, деревянный ящик был гроб!» – сообразил наконец Сереза.

На другой день приехал отец забирать Серезу. Прадед показал ему гроб в сарае, а отец сказал, что материал очень хороший...

В следующее лето Сергей снова приехал в деревню. Но в это лето было все по-другому. Он сошелся со своими троюродными, ходил с ними на речку, в лес за ягодами. В сарай он зашел только один раз – на верстаке стоял коробок с гвоздями, которые он в то лето правил. А прадеда уже больше не было.

Счастливым случаем

Как только начинало припекать и подсыхала грязь, желтая и худая Халима, повязанная по самые брови шелковым линиялым платком, начинала просушивать постель. Она выносила раскладушки и наваливала на них одеяла, коврики, перины такой огромной разноцветной кучей, что непонятно было, как все это помещается в двух крошечных подвальных комнатах, где она жила с бритоголовым мужем Ахметом и множеством разновозрастных детей.

Куча эта возвышалась как раз под окном Клюквиных, живших на первом этаже дощатого двухэтажного дома.

Пока одеяла и подушки грелись на солнце, отдавая накопленную за зиму подвальную сырость, вреднющая старуха Клюквина, высунувшись в окно между цветочными горшками, добросовестно и монотонно бранила Халиму.

– Колюня, Колюня, подь сюда! – приказала она своему шкодливому внуку Кольке. – А ну-ка скинь все!

Колюня с удовольствием побежал во двор и, выждав минуту, когда Халима отлучилась, перевернул раскладушку.

Халима сердилась, нет ли – понять было нельзя. Она была молчалива и терпелива. Она подобрала вещи, сложила на раскладушки и посадила рядом дочку Розку –

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya.ludmila.ru
стеречь.

Халимины выставленные раскладушки обычно служили сигналом – женщины вывешивали на бельевых веревках, натянутых между липами, зимние пальто и одеяла, а на изгородях рассаживались, как огромные разноцветные кошки, толстые подушки. По коврам и половикам хлопали палками, выстреливая облачками уютной домашней пыли.

Старуха Клюквина все стояла у окна и поругивалась. Потом в голову ей пришло, что неплохо бы проветрить свою плюшевую жакетку. Нести во двор она не хотела – а ну как украдут? – и решила проветрить ее на чердаке.

Она позвала Кольку, велел ему оттащить на чердак «шубу», как она уважительно называла свою жакетку, и, снявши в сенцах ключ с гвоздя, стала подниматься вслед за Колькой на чердак.

Просторная деревянная лестница вела на второй этаж, а там она суживалась, делала резкий поворот и останавливалась у низкой двери.

Старуха Клюквина отомкнула висячий замок, и они вошли в огромное, уже нагретое ранним солнцем помещение. Скаты крыши были неровными, посреди чердака крыша горбилась и уходила вверх, а в одной из скошенных стен зияло большое двустворчатое окно, через которое падал на чердак полосатый поток зыбкого и мутного света.

Колюня уже бывал здесь – и каждый раз восхищенно замирал перед кучами хлама, жадно разглядывая причудливые очертания, образованные самоварной трубой, рогатой вешалкой, вставшим на дыбы сундуком и лежащим на боку шкафом, покрытым нежной попоной пыли.

Колька ткнулся было туда, но бабка, повесив жакетку на бельевую веревку, потянула его к выходу. Она замкнула низкую дверь и, переваливаясь на пухлых ногах, стала тяжело спускаться по деревянной лестнице. Колюня шел следом, мучительно соображая, как бы стащить у нее ключ и забраться одному на чердак. Но ключи она несла в руке, а руку опустила в карман передника.

Колюня вышел во двор и задумчиво посмотрел на крышу. Окно на чердаке было приоткрыто; раздвоенный ствол большой липы направлялся было в сторону окна, но потом сворачивал, так что залезть с него на крышу было никак нельзя. Трехэтажный дом, кирпичный, более поздней постройки, стоял впритык к их хлипкому деревянному, стены лепились друг к другу, но крыша трехэтажки, этого небоскреба их квартала, метра на полтора возвышалась над крышей Колюниного дома.

«Если выход на чердак в трехэтажке открыт, можно рискнуть», – решил Колюня.

Одним махом он взлетел на третий этаж. Две двери вели в квартиры, а между ними была еще одна, поплоче, чердачная. Она оказалась запертой. Но Колькина хитроумная голова работала – и он пошел просить ключ от чердака к дворничихиному Витьке. Он ловко наврал ему, что на крышу упал мяч, и не какой-нибудь, а известный во всех дворах района Шуркин кожаный мяч, и что никто из ребят не знает, куда его занесло, а он, Колька, лично видел, как мяч залетел на крышу. И если Витька поможет ему достать ключ от чердачной двери, то они вдвоем будут навеки владельцами Шуркиного мяча!

У Витьки загорелись глаза, и он пообещал немедленно поспособствовать. Добыть ключи Витьке не стоило никакого труда: мать, похрапывая, спала на узкой коечке за печкой, а ключи горкой лежали посреди стола.

Через три минуты оба они стояли у чердачной двери, примеривая к замку ключи. Вышедший из соседней двери старик Конюхов подозрительно посмотрел на них и спросил, что это они тут делают. Витька замялся, а Колюнька приветливо и лживо сказал:

– А тетя Настя велела метлы принести, тут они стоят...

– А-а-а, – удовлетворенно протянул Конюхов и, громыхая палкой, пошел вниз по лестнице.

Дверь наконец открылась. Этот плоский чердак не представлял для Кольки никакого

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая litskaya.ludmila.ru интереса. Пахло мышами, стояли старая перевернутая кровать и детская ванночка...

«То ли дело наш...» – мелькнуло у Колюни. И он представил себе, как заберется в самую середину огромной кучи, как загудит самоварная труба и как здорово он там заживет...

Через слуховое окошко они вылезли на крышу. Давно не крашенная плоская крыша, ничем не огороженная, а лишь заканчивающаяся узким отверстием ржавого железа, гулко громыхла под ногами. Вниз смотреть было страшно.

– Нет мяча-то, – прошептал Витька, – где он, твой мяч, а?

А сам зачарованно уставился вниз. Земля круглилась внизу, и было здорово заметно с такой высоты, до чего же она круглая, до чего большая. С одной стороны шли все маленькие дома, и горизонт был как бы открыт, и дома не кончались, а только сливались в серо-зеленой дымке. Самые высокие липы были ниже их. Настоящей листвы еще не было, только легкая прозелень на ветках, и между ними был виден двор, и соседский двор, и кусок улицы с дрожащим трамваем. Каланча казалась близкой и словно уменьшившейся в размере, так же как широкое тело Пименовской церкви.

– Какой мяч? – переспросил Колька, далеко в мыслях отошедший от своей хитрой выдумки. – А, мяч... Да, видно, вон туда скатился, – сказал Колюня и целеустремленно пошел к краю крыши, нависающему над двухэтажкой.

– Ты посиди пока, я слезю на двухэтажку, может, там мяч-то, – сказал одержимый своим чердаком Колюня, уже свесив ноги и уцепившись за край крыши. Он разжал пальцы и ловко приземлился на крышу двухэтажки. Крыша эта была горбом, идти по ней было неудобно.

Он подошел к растворенному чердачному окну и, держась за приоткрытую раму глянул вниз.

Он увидел задний двор, большой голый дуб, лишайники сараев, Шуркину голубятню, блестящий, всем двором обожаемый «Опель Кадет» дяди Димы Орлова... Он присел на корточки – ему хотелось увидеть и то, что было закрыто от его зрения: раскладушку с разноцветными перинами, песочницу, маленьких Нинку и Валерку, только что игравших в песке, доминошный стол...

Старуха Клюквина, позвякивая ключом от чердака, все не могла успокоиться.

– Ишь, выложила свое тряпье под самый нос, – ворчала она.

Потом встала, взяла совок, выгребла из печки немного золы и подошла к окну. Халима как раз отвернулась, а старуха ловким, даже каким-то спортивным движением сыпанула из окна золу прямо на раскладушку и, как маленькая девочка, с хитрым видом спряталась за занавеску – наблюдать за Халимой. Но та вытирала носы двум своим меньшим сыновьям и все не оборачивалась.

И вдруг странная фигура мелькнула прямо перед глазами Клюквиной. Черная, небольшая, она камнем упала сверху, прямо в середину Халиминога тряпья, и раскладушка, хрюкнув, развалилась. Над бледным Колькой стояла Халима. Она взглянула в его лицо, увидела тоненькую струйку крови, вытекающую изо рта, и схватила его на руки.

– Живой? Живой ты? Руки, ноги целые? – и забормотала что-то по-татарски, радостно прижимая к себе этого вредливого, хитрого, никем во дворе не любимого мальчишку.

И еще не вполне поняв, что же произошло, старуха Клюквина бежала на своих ватных ногах к раскладушке и кричала:

– Он, бес! Не парень, бес! И откуда же это он сверзился?

Кольку, живого и невредимого, но с прокушенным языком, вечером выпороли.

На другой день вредная старуха Клюквина, держа за руку Колюню, торжественно отнесла в подвал Халиме покрытый от мух полотенцем большой пирог с вареньем. Все

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru соседи видели, как Клюквина поклонилась Халиме и сказала громким скандальным голосом:

– Прости меня, Халима. Кушайте на здоровье.

А Халима стояла в дверях, высокая, похожая одновременно на худую лошадь и на пантеру, в линялом платке, удивительно красивая.

Бумажная победа

Когда солнце растопило черный зернистый снег и из грязной воды выплыли скопившиеся за зиму отбросы человеческого жилья – ветошь, кости, битое стекло, – и в воздухе поднялась кутерьма запахов, в которой самым сильным был сырой и сладкий запах весенней земли, во двор вышел Геня Пираплетчиков. Его фамилия писалась так нелепо, что с тех пор, как он научился читать, он ощущал ее как унижение.

Помимо этого, у него от рождения было неладно с ногами, и он ходил странной, прыгающей походкой.

Помимо этого, у него был всегда заложен нос, и он дышал ртом. Губы сохли, и их приходилось часто облизывать.

Помимо этого, у него не было отца. Отцов не было у половины ребят. Но в отличие от других Геня не мог сказать, что его отец погиб на войне: у него отца не было вообще. Все это, вместе взятое, делало Геню очень несчастным человеком.

Итак, он вышел во двор, едва оправившись после весенне-зимних болезней, в шерстяной лыжной шапочке с поддетым под нее платком и в длинном зеленом шарфе, обмотанном вокруг шеи.

На солнце было неправдоподобно тепло, маленькие девочки спустили чулки и закрутили их на лодыжках тугими колбасками. Старуха из седьмой квартиры с помощью внучки вытащила под окно стул и села на солнце, запрокинув лицо.

И воздух, и земля – все было разбухшим и переполненным, а особенно голые деревья, готовые с минуты на минуту взорваться мелкой счастливой листвой.

Геня стоял посреди двора и ошеломленно вслушивался в поднебесный гул, а толстая кошка, осторожно трогая лапами мокрую землю, наискосок переходила двор.

Первый ком земли упал как раз посередине, между кошкой и мальчиком. Кошка, изогнувшись, прыгнула назад. Геня вздрогнул – брызги грязи тяжело шлепнулись на лицо. Второй комок попал в спину, а третьего он не стал дожидаться, пустился вприпрыжку к своей двери. Вдогонку, как звонкое копье, летел самодельный стишок:

– Генька хромой, сопли рекой!

Он оглянулся: кидался Колька Клюквин, кричали девчонки, а позади них стоял тот, ради которого они старались, – враг всех, кто не был у него на побегушках, ловкий и бесстрашный Женька Айтыр.

Геня кинулся к своей двери – с лестницы уже спускалась его бабушка, крохотная бабуська в бурой шляпке с вечнозелеными и вечноголубыми цветами над ухом. Они собирались на прогулку на Миусский скверик. Мертвая потертая лиса, сверкая янтарными глазами, плоско лежала у нее на плече.

...Вечером, когда Геня похрапывал во сне за зеленой ширмой, мать и бабушка долго сидели за столом.

– Почему? Почему они его всегда обижают? – горьким шепотом спросила, наконец,

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
бабушка.

– Я думаю, надо пригласить их в гости, к Гене на день рождения, – ответила мать.

– Ты с ума сошла, – испугалась бабушка, – это же не дети, это бандиты.

– Я не вижу другого выхода, – хмуро отозвалась мать. – Надо испечь пирог, сделать угощение и вообще устроить детский праздник.

– Это бандиты и воры. Они же весь дом вынесут, – сопротивлялась бабушка.

– У тебя есть что красть? – холодно спросила мать.

Старушка промолчала.

– Твои старые ботинки никому не нужны.

– При чем тут ботинки?.. – тоскливо вздохнула бабушка. – Мальчика жалко.

Прошло две недели. Наступила спокойная и нежная весна. Высохла грязь. Остро отточенная трава покрыла засоренный двор, и все население, сколько ни старалось, никак не могло его замусорить, двор оставался чистым и зеленым.

Ребята с утра до вечера играли в лапту. Заборы покрылись меловыми и угольными стрелами – это «разбойники», убегая от «казаков», оставляли свои знаки.

Геня уже третью неделю ходил в школу. Мать с бабушкой переглядывались. Бабушка, которая была суеверна, сплевывала через плечо – боялась сглазить: обычно перерывы между болезнями длились не больше недели.

Бабушка провожала внука в школу, а к концу занятий ждала его в школьном вестибюле, наматывала на него зеленый шарф и за руку вела домой.

Накануне дня рождения мать сказала Гене, что устроит ему настоящий праздник.

– Позови из класса кого хочешь и из двора, – предложила она.

– Я никого не хочу. Не надо, мама, – попросил Геня.

– Надо, – коротко ответила мать, и по тому, как дрогнули ее брови, он понял, что ему не отвертеться.

Вечером мать вышла во двор и сама пригласила ребят на завтра. Пригласила всех подряд, без разбора, но отдельно обратилась к Айтыру:

– И ты, Женя, приходи.

Он посмотрел на нее такими холодными и взрослыми глазами, что она смутилась.

– А что? Я приду, – спокойно ответил Айтыр.

И мать пошла ставить тесто.

Геня тоскливо оглядывал комнату. Больше всего его смущало блестящее черное пианино – такого наверняка ни у кого не было. Книжный шкаф, ноты на этажерке – это было еще простительно. Но Бетховен, эта ужасная маска Бетховена! Наверняка кто-нибудь ехидно спросит: «А это твой дедушка? Или папа?»

Геня попросил бабушку снять маску. Бабушка удивилась:

– Чем она тебе вдруг помешала? Ее подарила мамина учительница... – и бабушка стала рассказывать давно известную историю о том, какая мама талантливая пианистка, и если бы не война, то она окончила бы консерваторию...

К четырем часам на раздвинутом столе стояла большая суповая миска с мелко нарезанным винегретом, жареный хлеб с селедкой и пирожки с рисом.

Геня сидел у подоконника, спиной к столу, и старался не думать о том, как сейчас

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru в его дом ворвутся шумные, веселые и непримиримые враги... Казалось, что он совершенно поглощен своим любимым занятием: он складывал из газеты кораблик с парусом.

Он был великим мастером этого бумажного искусства. Тысячи дней своей жизни Геня проводил в постели. Осенние катары, зимние ангины и весенние простуды он терпеливо переносил, загибая уголки и расправляя сгибы бумажных листов, а под боком у него лежала голубовато-серая с тисненым жирафом на обложке книга. Она называлась «Веселый час», написал ее мудрец, волшебник, лучший из людей – некий М. Гершензон. Он был великим учителем, зато Геня был великим учеником: он оказался невероятно способным к этой бумажной игре и придумал многое такое, что Гершензону и не снилось...

Геня крутил в руках недоделанный кораблик и с ужасом ждал прихода гостей. Они пришли ровно в четыре, всей гурьбой. Белесые сестрички, самые младшие из гостей, поднесли большой букет желтых одуванчиков. Прочие пришли без подарков.

Все чинно расселись вокруг стола, мать разлила по стаканам самодельную шипучку с коричневыми вишенками и сказала:

– Давайте выпьем за Геню – у него сегодня день рождения.

Все взяли стаканы, чокнулись, а мама выдвинула вертящийся табурет, села за пианино и заиграла «Турецкий марш». Сестрички заворуженно смотрели на ее руки, порхающие над клавишами. У младшей было испуганное лицо, и казалось, что она вот-вот расплачется.

Невозмутимый Айтыр ел винегрет с пирожком, а бабушка суетилась около каждого из ребят точно так же, как суетилась обычно около Генечки.

Мать играла песни Шуберта. Это была невообразимая картина: человек двенадцать плохо одетых, но умытых и причесанных детей, в полном молчании поедавших угощение, и худая женщина, выбивавшая из клавиш легко бегущие звуки.

Хозяин праздника, с потными ладонями, устремил глаза в тарелку. Музыка кончилась, выпорхнула в открытое окно, лишь несколько басовых нот задержались под потолком и, помедлив, тоже уплыли вслед за остальными.

– Генечка, – вдруг сладким голосом сказала бабушка, – может, тоже поиграешь?

Мать бросила на бабушку тревожный взгляд. Генино сердце едва не остановилось: они ненавидят его за дурацкую фамилию, за прыгающую походку, за длинный шарф, за бабушку, которая водит его гулять. Играть при них на пианино!

Мать увидела его побледневшее лицо, догадалась и спасла:

– В другой раз. Геня сыграет в другой раз.

Бойкая Боброва Валька недоверчиво и почти восхищенно произнесла:

– А он умеет?

...Мать принесла сладкий пирог. По чашкам разлили чай. В круглой вазочке лежали какие угодно конфеты: и подушечки, и карамель, и в бумажках. Колька жрал без зазрения совести и в карман успел засунуть. Сестрички сосали подушечки и наперед загадывали, какую еще взять. Боброва Валька разглаживала на острой коленке серебряную фольгу. Айтыр самым бесстыжим образом разглядывал комнату. Он все шарил и шарил глазами и, наконец, указывая на маску, спросил:

– Теть мусь! А этот кто? Пушкин?

Мать улыбнулась и ласково ответила:

– Это Бетховен, Женя. Был такой немецкий композитор. Он был глухой, но все равно сочинял прекрасную музыку.

– Немецкий? – бдительно переспросил Айтыр.

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Но мама поспешила снять с Бетховена подозрения:

– Он давным-давно умер. Больше ста лет назад. Задолго до фашизма.

Бабушка уже открыла рот, чтобы рассказать, что эту маску подарила тете Мусе ее учительница, но мать строго взглянула на бабушку, и та закрыла рот.

– Хотите, я поиграю вам Бетховена? – спросила мать.

– Давайте, – согласился Айтыр, и мать снова выдвинула табурет, крутанула его и заиграла любимую Бенину песню про сурка, которого почему-то всегда жалко.

Все сидели тихо, не проявляя признаков нетерпения, хотя конфеты уже кончились. Ужасное напряжение, в котором все это время пребывал Геня, оставило его, и впервые мелькнуло что-то вроде гордости: это его мама играет Бетховена, и никто не смеется, а все слушают и смотрят на сильные разбегающиеся руки. Мать кончила играть.

– Ну, хватит музыки. Давайте поиграем во что-нибудь. Во что вы любите играть?

– Можно в карты, – простодушно сказал Колюня.

– Давайте в фанты, – предложила мать.

Никто не знал этой игры. Айтыр у подоконника крутил в руках недоделанный кораблик. Мать объяснила, как играть, но оказалось, что ни у кого нет фантов. Лилька, девочка со сложно заплетенными косичками, всегда носила в кармане гребенку, но отдать ее не решилась – а вдруг пропадет? Айтыр положил на стол кораблик и сказал:

– Это будет мой фант.

Геня придвинул его к себе и несколькими движениями завершил постройку.

– Геня, сделай девочкам фанты, – попросила мать и положила на стол газету и два листа плотной бумаги. Геня взял лист, мгновение подумал и сделал продольный сгиб...

Бритые головы мальчишек, стянутые тугими косичками головки девчонок склонились над столом. Лодка... кораблик... кораблик с парусом... стакан... солонка... хлебница... рубашка...

Он едва успевал сделать последнее движение, как готовую вещь немедленно выхватывала ожидающая рука.

– И мне, и мне сделай!

– Тебе он уже сделал, бессовестная ты! Моя очередь!

– Генечка, пожалуйста, мне стакан!

– Человечка, Геня, сделай мне человечка!

Все забыли и думать про фанты. Геня быстрыми движениями складывал, выравнивал швы, снова складывал, загибал уголки. Человек... рубашка... собака...

Они тянули к нему руки, и он раздавал им свои бумажные чудеса, и все улыбались, и все его благодарили. Он, сам того не замечая, вынул из кармана платок, утер нос – и никто не обратил на это внимания, даже он сам.

Такое чувство он испытывал только во сне. Он был счастлив. Он не чувствовал ни страха, ни неприязни, ни вражды. Он был ничем не хуже их. И даже больше того: они восхищались его чепуховым талантом, которому сам он не придавал никакого значения. Он словно впервые увидел их лица: не злые. Они были совершенно не злые...

Айтыр на подоконнике крутил газетный лист, он распустил кораблик и пытался сделать заново, а когда не получилось, он подошел к Гене, тронул его за плечо и,

Детство сорок девять. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya1udmila.ru впервые в жизни обратившись к нему по имени, попросил:

– Гень, посмотри-ка, а дальше как...

Мать мыла посуду, улыбалась и роняла слезы в мыльную воду.

Счастливый мальчик раздаривал бумажные игрушки...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ulitskaya1udmila.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!